оправдывается судебно-политическимъ расчетомъ. Суду важнѣе всего установить истину. А опытъ тѣхъ странъ, которыя карають уже за лжесвидѣтельство передъ слѣдователемъ, показываетъ, что при этихъ условіяхъ свидѣтели во что бы то ни стало поддерживаютъ на судѣ первоначальную версію, ибо они знаютъ, что уже совершили преступленіе и дѣйствуютъ въ надеждѣ, что упорная ложь не даетъ ему раскрыться. Гарантируя безнаказанность, право открываетъ имъ золотой мостъ и тѣмъ самымъ способствуетъ торжеству истины.

Гораздо менѣе обоснованной представляется безнаказанность подосновій о преступленіи, производящая особенно странное впечатлѣніе при одновременной наказуемости сокрытія плодовъ его. Такая безнаказанность имѣла мѣсто не всегда. Болѣе старое право, въ частности наше уложеніе о наказаніяхъ, видѣло въ подосновіи специальную форму соучастія. Уголовное уложеніе 1903 г. наказывало отдѣльное случаи подосновія въ качествѣ самостоятельнаго преступленія. Но эти постановленія считались по подавнаго времени устарѣлыми и наиболѣе современными законодательными актами не повторялись.

Равнымъ образомъ, только въ XIX вѣкѣ перестало по общему правилу быть наказуемымъ т. н. невмѣшательство, т. е. не совершеніе дѣйствія, могшаго предупредить возникновеніе вреда. Въ болѣе раннее время на вопросъ смотрѣли иначе. Еще въ XVIII в. въ Швейцаріи былъ казненъ человѣкъ, который видѣлъ, какъ его ближній погибалъ въ рѣкѣ, но хотя и отлично умѣлъ плавать, не оказалъ ему помощи.

Разрушеніе старыхъ взглядовъ произошло въ результатѣ побѣды крайняго индивидуализма, характернаго для первой половины XIX вѣка. «Каждый за себя» — гласитъ высшая норма подлинной этики этой эпохи. Въ связи съ этимъ уголовное право стремится ограничить наказуемость случаями положительнаго нарушенія интересовъ другого лица и почитаетъ принципіально безнаказаннымъ всякій случай неоказанія содѣйствія.

Времена мѣняются. Пониманіе личности, какъ цѣнности въ себѣ, представляется, конечно, прочнымъ завованіемъ культуры. Но выростающій отсюда индивидуальный принципъ все болѣе и болѣе восполняется принципомъ общественной солидарности. Достоинство личности требуетъ, чтобы она служила не только себѣ, но и ближнимъ, обществу — такъ властно твердитъ современное правосознаніе XX вѣка. Довольно давно поэтому начался пересмотръ точекъ зрѣнія, которыя приняли къ принципіальному отнесенію наказуемости подосновенія и невмѣшательства.

Но можетъ быть и рѣчи о возвратѣ къ старому. Мы не могли бы наказать, какъ убійцъ, слугъ Месторино ни за то, что они не помѣшали хозяину, ни за то, что они не донесли на него. Но мы несомнѣнно чувствовали бы себя удовлетворенными, если бы то яркое общественное порицаніе, которое заключается въ хотя бы легкомъ наказаніи, могло въ этомъ случаѣ имѣть мѣсто.

Дѣло Месторино заставляютъ, такимъ образомъ, вновь задуматься надъ тонкимъ законодательнымъ вопросомъ. Сенсація, въ немъ заключающаяся, забудется. Но хочется вѣрить, что пробужденныя имъ чувства и мысли не останутся безплодными, приводятъ со временемъ къ воспоминанію, той пропасти, которая такъ внезапно открылась между писаннымъ правомъ и требованіями общественной совѣсти.

Н. С. Тимашевъ

Богословская школа.

Въ серединѣ лѣваго корпуса Кіево-Печерской лавры виситъ скромная, одна замѣтная вывѣска: «Українська Вища Богословська Школа».

Въ Богословской школѣ учатся пока 50 студентовъ. Сейчасъ дѣйствуютъ только два курса — подготовительный и первый. На эти курсы, какъ и вообще въ Богословскую школу, принимаются студенты не меньше чѣмъ со среднимъ образованіемъ, и если они не имѣютъ спеціальнаго духовнаго образованія, то должны сначала проходить подготовительное отдѣленіе. При лаврѣ для студентовъ имѣется общежитіе и столъ. Школу обслуживаютъ 15 профессоровъ богословія.

Въ числѣ студентовъ имѣется молодежь, только что окончившая совѣтскую школу 2-ой ступени, — но тутъ же вы можете лицезрѣть и солидныхъ 45-лѣтнихъ батюшекъ, проходящихъ «переподготовку». Различенъ національный составъ — и великороссы, и украинцы, и бѣлоруссы. Общимъ въ составѣ студентовъ является ихъ ненависть къ существующимъ порядкамъ

Кромѣ студентовъ при Богословской школѣ имѣется болѣе 20 вольнослушателей, которые либо посѣщаютъ лекціи, либо берутъ на домъ работу. Введены также лекціи на дому, которыя распространяются по Украинѣ подъ видомъ посылки ихъ «вольнослушателямъ или не пріѣхавшимъ въ Кіевъ студентамъ». Устраиваются диспуты, религіозныя дискуссіи для «закалки» въ спорахъ будущихъ пастырей. Хотя школа и занимаетъ всего семь комнатъ и студенты жалуются на тѣсноту, все же они вполнѣ плодотворно ведутъ работу и внутри и внѣ аудиторій, успѣвая обслуживать широкую сѣть «вольнослушателей». Приходятъ въ школу и работающіе на практикѣ священники и діаконы. И, наоборотъ, нѣкоторые студенты для полученія практики поютъ въ церквахъ и служатъ псаломщиками. Епархія даетъ студенту на его содержаніе 25—30 рублей. Плата за правоученіе 10 рубл. въ мѣсяцъ. Школѣ помогаетъ также епархія, каждая церковь и каждый членъ причта, если, конечно, захочетъ.

Сейчасъ въ Богословской школѣ экзаны. Вокругъ пріѣхавшихъ «студентовъ» изъ провинціи собралась группой священнослужители и разспрашиваютъ деревенскихъ о дѣлахъ.

— Въ послѣдніе годы мы опредѣленно видимъ, что вѣра растетъ и населеніе возвращается въ лоно церкви. Это всѣхъ насъ радуетъ, и мы часто дѣлимся по этому поводу нашими замѣчаніями. Діаконъ разсказываетъ о томъ, *что въ Олессонъ округѣ одно изъ селъ собрало 100 тысячъ рублей на постройку храма, другое около 30 тысячъ на ремонтъ. А вотъ страховые взносы въ этомъ селѣ въ Госстрахъ не внесли.*

(«Пр.»).

Печать.

Сообщеніе изъ Москвы въ «DAZ» вновь касается вопроса о международномъ положеніи СССР, вызывающемъ тревогу въ московской печати. Причиной тревоги является

заключеніе итало-турецкаго договора о дружбѣ и сближеніе Рима съ Варшавой.

Совѣтскіе политики сомнѣваются, могутъ ли они при такихъ условіяхъ расчитывать на Германію, въ виду того,

что успѣхъ итальянской политики на юго-востокѣ Европы будетъ толкать Францію къ соглашенію съ Германіей.

На этотъ разъ московскій корреспондентъ газеты просто констатируетъ кремлевскіе взгляды, не уговаривая и даже не комментируя ихъ.

Хотя «Сов. В.» и объщалъ «не выражаться», тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ номерѣ полемикѣ съ нами удѣлено цѣлыхъ 8 строкъ. Пусть это немного, но на этихъ строкахъ собранъ пышный полемическій букетъ. Тутъ обвиненія:

не брезгаетъ ничѣмъ, передержка, фальсифицированіе, соціалистоѣдъ, сикофантъ.

Этотъ страшный громъ, хотя и не изъ тучи, объясняется тѣмъ, что мы придали серьезное значеніе появленію въ Москвѣ новаго подпольнаго студенческаго органа, который по сообщенію того же «Сов. В.»

энергично нападаетъ на меньшевиковъ и при этомъ содержитъ дѣльныя мысли.

«Сов. В.» это не нравится и онъ упрекаетъ насъ въ томъ, что

мы должны были бы замѣтить, что студенты направляютъ свою критику РСДРП слѣва, а не справа.

Если бы мы даже и должны были это замѣтить, то что же измѣнилось бы въ нашихъ сужденіяхъ? Вѣдь мы только и доказывали, что появленіе въ Москвѣ органа «Борьба» подтверждаетъ наши указанія на то, что соціалъ-демократы переживаютъ кризисъ и ищутъ новыхъ путей. Но кромѣ того, въ сообщеніи «С. В.» ни малѣйшаго намека не было на то, съ какой стороны — правой или лѣвой новый журналъ нападаетъ на меньшевиковъ. Тамъ только и было сказано, что

въ передовицѣ журналъ рѣзко критикуетъ коммунистовъ, рѣшительно выступаетъ противъ оппозиціи, но энергично нападаетъ и на насъ-меньшевиковъ... Необходимо создать новую соціалистическую партію.

Больше ничего! Зачѣмъ же сердиться и уподобиться приставу изъ пушкинскаго Годунова, повелѣвавшему читать: «изловить и повѣсить», хотя послѣдняго слова въ указѣ и не было. Но вѣдь —

не всякое слово въ строку пишется.

Но мы рады констатировать, что только это сообщеніе разсердило меньшевиковъ, но за то Далина «С. В.» не пытается взять подъ защиту.

Жизнь русскихъ.

(Письмо изъ Праги).

Съ большимъ удовлетвореніемъ принято было извѣстіе объ утвержденіи министерствомъ ин. дѣлъ выбраннаго Совѣтомъ Р. Историческаго Архива въ директоры В. Г. Архангельскаго. Жалоба с.-р. друзей В. Я. Гуревича на предсѣдателя Совѣта проф. А. А. Кизеветтера не имѣла желательныхъ для нихъ результатовъ. Культурная комиссія, разсматривая во второмъ своемъ засѣданіи вопросъ о выборахъ, заслушала записку проф. А. А. Кизеветтера, безъ труда доказавшаго несостоятельность выставленныхъ противъ него обвиненій, и объясненія предсѣдателя Земгора Н. В. Брушвита. Послѣдній заявилъ, что Земгоръ, соглашаясь на выдвинутую профессорами кандидатуру В. Г. Архангельскаго, не имѣлъ въ виду никакихъ партійно-политическихъ цѣлей. В. Г. Архангельскій завѣдуетъ Русской Библіотекой и является очень цѣннымъ работникомъ, лишиться котораго Земгору было трудно. Земгоръ уступилъ его въ виду настоянія профессоровъ, утверждавшихъ, что оставленіе В. Я. Гуревича во главѣ И. Архива грозитъ распадомъ этому учрежденію. Неудобно было кромѣ того, и совмѣстительство В. Я. Гуревича, работающаго въ обществѣ «Славянская Взаимность», и что, адресомъ для «Лиги Народовъ Востока» было указано помѣщеніе Ист. Архива. Въ виду этихъ обстоятельствъ Земгоръ и рѣшилъ поддержать кандидатуру В. Г. Архангельскаго.

Выслушавъ объясненія Н. В. Брушвита и А. А. Кизеветтора, культурная комиссія рѣшила представить въ министерство ин. д. свое мнѣніе объ утвержденіи выборовъ новаго директора. Утвержденіе это уже состоялось и 15 іюня В. Г. Архангельскій вступаетъ въ должность.

А. И.

Литературныя замѣтки.

Очень компетентный судья говоритъ, что «русская литература такъ славна изумительной изобразительностью, словесной чувственностью». Онъ потому компетентенъ, что самъ является русскимъ литераторомъ и зовутъ его Иванъ Бунинъ. И слова его о «словесной чувственности» вполнѣ примѣнимы къ нему самому — хотя бы къ той самой «Жизни Арсеньева», которую онъ продолжаетъ въ XXXV-ой книгѣ «Современныхъ Записокъ» и изъ которой это выраженіе и взято. Да, изобразителенъ авторъ чрезвычайно и словесной чувственностью надѣленъ какъ немногіе. Онъ еще и другой ключъ даетъ къ себѣ въ предлагаемой имъ автобіографіи писателя. Именно — въ слѣдующихъ строкахъ: «И что было въ этихъ дняхъ удивительнаго? Ничего, кромѣ ихъ новизны для меня, кромѣ моей свѣжести, молодости. Міръ для юноши близорукаго, безъ слуха, безъ обонянія совсѣмъ другой, чѣмъ у здороваго. А я видѣлъ всѣ семь звѣздъ въ Плеядахъ, за версту слышалъ свистъ сурка въ вечернемъ полѣ, вдыхалъ отъ той остроты, съ которой вдыхалъ запахъ осенняго утра, зимней мотни, старой книги или ландыша». Не только дни въ деревнѣ Батуринѣ не имѣли въ себѣ ничего удивительнаго, но и всѣ прочіе дни, вся остальная жизнь. Сама по себѣ жизнь вообще не удивительна: ей удивительность придаетъ человѣкъ отъ себя. Нуженъ удивляющійся, чтобы она стала удивительной. Но вотъ далеко не всѣ умѣютъ удивляться, и далеко не всѣ умѣютъ видѣть. Чтобы удивляться, надо увидѣть. Оттого и слѣдился міръ для Бунина такъ полонъ, такъ содержателенъ и богатъ, что Бунинъ исключительно тонко видѣлъ, слышалъ, обонялъ. Щедро надѣлила его природа этой естественной чувственностью, а ужъ онъ съ своей стороны, какъ писатель, и претворилъ ее въ чувственность словесную. Вотъ и все. Онъ увидѣлъ, удивился и описалъ. Приполъ, увидѣлъ, побѣдилъ. На скрижаляхъ русскаго искусства побѣда эта, несомнѣнно, будетъ записана самыми яркими буквами. Та великолѣпная, пышно-тяжелая ткань, которая называется «Жизнь Арсеньева», представляетъ собою творчество изъ ничего, изъ неудивительнаго, изъ самыхъ обыкновенныхъ и повседневныхъ матерьяловъ. А въ результатѣ — одно изъ самыхъ прекрасныхъ произведеній нашей литературы. Оно, среди другихъ своихъ достоинствъ, имѣетъ и ту существенную и цѣнную особенность, что личную жизнь героя сплотаетъ съ русской, тѣсно ихъ между собою сплитъ, и въ концѣ концовъ передъ нами — не только біографія Арсеньева, но и художественное показаніе о Россіи. Не всѣ разсужденія Бунина о Россіи, не всѣ общія характеристики ея души и духа пріемлемы для насъ (напримѣръ — о русской гордости); но зато поразаказу и показу, гдѣ «словесная чувственность» широко и вольно прокладываетъ себѣ дорогу въ полновѣсныхъ, полнозвѣнныхъ, изъ литого золота вычеканенныхъ фразахъ, гдѣ на общемъ фонѣ родины выступаетъ картина, фигура, сцена, — тамъ испытываетъ читатель высокую эстетическую радость. Поэзія усадьбы, поэзія и проза ея, русская природа и русскій городъ, и русская церковь, и русскіе люди, первая любовь, первая пережитая смерть, впервые прочитанныя книги, вліяніе старинныхъ стиховъ, настроенія религіозности, пробужденіе весны, какъ внѣшней, такъ и внутренней, раннее ознакомленіе съ чертами быта и надо всѣмъ преобладающее, все собою заливающее чувство жизни, радость о ней, половодье жизни, ощущеніе своей юности, своей стихійной счастливости, не смотря ни на что, вопреки всѣмъ отдѣльнымъ непріятностямъ и невзгодамъ, ощущеніе новизны міра, свѣжести красокъ его: все это на страницахъ Бунина встаетъ свѣтлой и волнующей красотой. Раздвигаются, въ глубь уводятъ арки воспоминанія, такъ что чувствуется отодвинутость прошлаго, неотвратимая власть времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ это прошлое не торопъ своей теплоты и живымъ сохраняется въ цѣпкой, не выпускающей памяти автора. Эта необычайная памятливость объясняетъ и то, почему подъ перомъ Бунина воскресаютъ мелочи. Та детализація и настойчивость пейзажа, то непрестанное возвращеніе къ природѣ и погодѣ, на которыя мы указывали въ прошлый разъ, говоря о первыхъ главахъ «Жизни Арсеньева», не покидаютъ и ея продолженія, и намъ по прежнему кажется, что это вниманіе писателя къ подробностямъ природы не всегда соотвѣтствуетъ интересу читателя къ ней, — не въ ногу идутъ они другъ съ другомъ, и читателю хочется пойти дальше, а писатель слишкомъ надолго останавливаетъ его вниманіе передъ той или другой картинкой ландшафта, передъ эффектами солнечныхъ освѣщеній и красотами земли и неба; но теперь для насъ яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, что здѣсь Бунинъ не просто отдается забавамъ и спеціальнымъ интересамъ праздного пейзажиста, а платитъ неотмѣнимую дань своей натурѣ, своей собственной природѣ. И, можетъ быть, не на нашей, а на его сторонѣ и сама природа, и сама правда. Вѣдь въ самомъ же дѣлѣ тотъ, кто видитъ всѣ семь звѣздъ въ Плеядахъ, кому, какъ Гёте, «звѣздная книга дана», кто за версту слышитъ свистъ сурка и для кого отчетливыми и острыми событіями являются запахъ утра, метели, книги и ландыша, тотъ не можетъ запомнить и не внести всѣхъ этихъ столь значительныхъ для него фактовъ на страницы своей біографіи и тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не чувствуетъ и объективной значительности этихъ фактовъ, этихъ серьезныхъ происшествій природы. Мимоходомъ позволительно лишь замѣтить одно: вотъ Пушкинъ такъ справедливо называетъ природу равнодушной, — такъ не справедливо ли человѣку платить ей тою же монетой, быть равнодушнымъ и къ ней? Тѣмъ болѣе, что человѣкъ — сосредоточенная природа и есть въ немъ уже все то, что есть въ ней. Какъ бы то ни было, Бунину чаще всего удается преодолѣвать равнодушіе человѣка къ равнодушной природѣ, то безразличіе къ ней, которое нерѣдко сопровождаетъ городского жителя, преданнаго умственнымъ интересамъ. Да и вообще Бунинъ преодолѣваетъ и овладѣваетъ. Самые ничтожные и мимолетные эпизоды прошлаго отпечатлѣваются для него, а черезъ него — и для читателей, вѣчными слѣдами. Вѣроятно, никогда больше не будетъ у него рѣчи о маленькой Ксюшѣ, но одинъ единственный штрихъ, посвященный ей, уже дѣлаетъ ее столь же долговѣчной, какъ русская литература: «Ксюша, младшая дѣвочка, потушивъ глаза, подала ему (отцу) чистое длинное полотенце. Онъ поспѣшно вытеръ руки, съ сумрачной усмѣшкой кинулъ полотенце ей на голову, — она при этомъ радостно вспыхнула»... Ароматы строки о цвѣтникѣ въ городскомъ саду, о запахѣ цвѣтовъ «табакъ», обрызганныхъ «водянымъ дымомъ» фонтана, о хорошенькой барышнѣ подъ затѣйливой шляпкой, о чувствѣ влюбленности, которой мальчикъ Арсеньевъ «впервые въ жизни былъ сладко боленъ нѣсколько дней послѣ того»... «это благодаря ей, этой милой, простодушной барышнѣ, я и до сихъ поръ не могу безъ волненья слышать запахъ табака, а она и понятія не имѣла никогда обо мнѣ и о томъ, что я всю жизнь вспоминалъ отъ времени до времени и ее, и свѣжесть фонтана, и звуки военной музыки, какъ только слышалъ этотъ запахъ... гдѣ-то она теперь?..» Или этотъ балъ въ женской гимназіи, когда гимназистъ Арсеньевъ «былъ очарованъ каждой попадавшейся на глаза легкой туфелькой, каждой бѣлой полеринкой, каждой черной бархаткой на шеѣ, каждымъ шелковымъ

ПОКУПАЮ (для Америки) по наивысшимъ цѣнамъ БРИЛЛІАНТЫ ЖЕМЧУГЪ ИЗУМРУДЫ (преимущественно крупн. объект.) J. RICH Friedrichstrasse 68 — между Mohren- и Taubenstrasse — ТЕЛЕФОНЪ: МЕЙКЕН 27-44 и 44-20 ТЕЛЕГР. АДРЕСЪ: ROSADIAMANT

„Италія" на пловучемъ льду

Изъ полученныхъ отъ генерала Нобиле радіо-телеграммъ видно, что катастрофа съ дирижаблемъ была вызвана тяжелой ледяной корой, облѣпившей воздушную оболочку. Въ бушующемъ ураганѣ «Италія» потеряла возможность управляться. Когда Нобиле увидѣлъ, что воздушный корабль уносится къ землѣ Франца Іосифа, онъ рѣшилъ спуститься на льдъ, пока еще былъ виденъ Шпицбергенъ. Спускъ на льдѣ изборожденный трещинами, полными и торосами былъ чрезвычайно трудонъ. Только особые воздушные буффоры, находившіеся на днѣ гондолы, спасли командѣ жизнь. При ударѣ о льдъ, одна гондола оторвалась и осталась лежать. Дирижабль съ остальными тремя моторными гондолами, превратившись въ воздушный шаръ, улетѣлъ. Полетъ этотъ продолжался до тѣхъ поръ пока весь газъ не вышелъ. Команда дирижабля оказалась разъединенной на двѣ, а на три части. Одна группа изъ 6 человѣкъ съ Нобиле во главѣ, бывшая въ первой гондолѣ, уже начала походъ по льду по направленію къ острову «Бранганца», который не смотря на всѣ усилія не можетъ продвинуться дальше. Въ 30 километрахъ къ востоку находится другая группа въ 7 человѣкъ. О третьей группѣ въ составѣ 3 человѣкъ нѣтъ свѣдѣній.

Положеніе спасшихся летчиковъ чрезвычайно затруднительно. По отзыву такого спеціалиста какъ Амундсенъ они находятся въ большой опасности. Лёдъ все время движется, при чемъ довольно быстро. За полтора дня первая гондола была отнесена на 18 километровъ къ сѣверо-западу, приближаясь къ острову Фойну. Есть однако опасность, что ледъ перемѣнитъ направленіе и тогда летчики будутъ отнесены въ море между Шпицбергеномъ и Землей Франца Іосифа. Льдины, на которыхъ они находятся, будутъ постепенно таять и смѣлые путешественники могутъ въ концѣ концовъ погибнуть.

Добраться до экипажа «Италіи» чрезвычайно трудно. Аэропланы, которые находятся въ составѣ вспомогательныхъ экспедицій обладаютъ очень малымъ радіусомъ дѣйствій. А кромѣ того не могутъ спуститься на ледъ. Оба вспомогательныхъ парохода безнадежно замерзли во льду. Экспедиціи на саняхъ и собакахъ также затруднительна вслѣдствіе того, что ледъ изрѣзанъ огромными полыньями. Полярные спеціалисты требуютъ, чтобы на помощь «Италіи» былъ отправленъ большой русскій ледоколъ, который находится въ Архангельскѣ. Итальянское правительство уже обратилось къ совѣтскому съ офиціальной просьбой и ледоколъ получилъ приказъ выйти по направленію къ Шпицбергену.

Большой итальянскій гидро-аэропланъ «S. 55», который долженъ былъ вылететь на Шпицбергенъ съ Лаго Маджіоре изъ за дурной погоды никакъ не можетъ перелетѣть черезъ Альпы. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытковъ его пилотъ полковникъ Маддалена полетѣлъ въ обходъ черезъ южную Францію, но былъ принужденъ спуститься въ долинѣ Роны.

Среди спутниковъ генерала Нобиле у двоихъ сломаны ноги. Почти у всѣхъ отморожены руки и ноги.

Миланъ, 12. 6.

Генералъ Нобиле телеграфируетъ, что его партія имѣетъ съѣстныхъ припасовъ на 50 дней. Путешественникамъ не хватаетъ сапогъ, ружей, патроновъ, спасательныхъ лодокъ и медикаментовъ. Радіо-сигналы принимаются хорошо. Однако, вслѣдствіе истощенія аккумулятора черезъ нѣсколько дней генералъ Нобиле будетъ лишенъ возможности телеграфировать. Генералъ проситъ какъ можно скорѣе прислать спасательныя лодки.

Пароходъ «Хобби» наконецъ освободился отъ льдовъ и имѣя на борту два аэроплана двинулся на востокъ.

Трѣнія среди южанъ.

Пекинъ, 11. 6.

Положеніе въ Пекинѣ становится все болѣе затруднительнымъ. Сюда прибылъ губернаторъ шанзійской провинціи генералъ Іенъ въ сопровожденіи начальника сферой арміи Пейтунги. Послѣдній заявилъ, что намѣренъ остаться въ Пекинѣ не смотря на противодѣйствіе генерала Фенга.

Пайкинское правительство обратилось ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ съ требованіемъ отозвать ихъ войска изъ Китая.

Шанхай, 11. 6.

Чанъ-Кай-Шекъ ставитъ условіемъ возвращенія на постъ главнокомандующаго отставку Фонга, объединеніе всего командованія и немедленный созывъ конференціи куоминтанга для обсужденія создавшагося положенія. Фенгъ отказался прибыть въ Нанкинъ для объясненія.

Залѣсскій въ Парижѣ.

Парижъ, 11. 6.

Польскій министръ иностр. дѣлъ Залѣсскій съ большимъ штатомъ секретарей прибылъ въ Парижъ. Онъ будетъ имѣть нѣсколько совѣщаній съ Бріаномъ, которымъ придается большое политическое значеніе. Взгляда обоихъ министровъ по всей вѣроятности коснется польско-литовскаго конфликта, предложенія Келлога о заключеніи договора, запрещающаго войну, итальянской политики и военной конвенціи между Польшой и Румыніей, направленной противъ совѣтскаго союза.

Новые взрывы.

Буэносъ Айресъ, 11. 6.

Въ аргентинскомъ городѣ Зарате взорвалась бомба въ квартирѣ итальянскаго консульскаго агента. Бомба была подложена коммунистами. Несчастій съ людьми не было.

Совѣтско-латвійскій конфликтъ.

Рига, 11. 6.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Латвіи передалъ совѣтскому полпреду отвѣтъ на вторую ноту, требующую освобожденія чиновника полпредства Ланге, обвиняемаго въ шпіонажѣ. Министръ указываетъ, что Ланге находится въ распоряженіи судебныхъ властей. Вмѣшаться въ ихъ компетенцію латвійское правительство не имѣетъ возможности.

Конецъ забастовки.

Забастовка японскихъ моряковъ, въ которой участвовало до 50 000 человѣкъ, закончилась, послѣ того какъ обѣ стороны приняли рѣшеніе третейскаго суда.

Чубарь угрожаетъ.

На рабочей конференціи въ Харьковѣ предсѣдатель украинскаго совнаркома произнесъ весьма воинственную рѣчь, наполненную угрозами по адресу Польши. Чубарь заявляетъ, что послѣдніе польско-румынскіе переговоры, происходящіе въ Варшавѣ явно направлены противъ совѣтскаго союза. Польша опредѣленно собирается оторвать Украину. Задачей совѣтскаго союза является поэтому организація мощной арміи.

Рѣчь Чубаря произвела непріятное впечатлѣніе въ Москвѣ, такъ какъ въ ней усматриваютъ вызовъ противъ Чичерина. Украинское правительство давно уже недовольно примирительной тактикой центральнаго правительства въ Польшѣ.

Арестъ консуля.

На выставкѣ аэроплановъ въ Петербургѣ были арестованы финляндскій консулъ Ауэръ и военный атташе. Ихъ отправили на Гороховую и освободили послѣ повѣрки дипломатическихъ документовъ. Агенты розыска заподозрили ихъ въ шпіонажѣ. Финское правительство требуетъ разъясненій.

Совѣтская хроника.

Совнаркомъ назначилъ спеціальную комиссію, которой поручено очистить улицы столичныхъ городовъ, а также всѣ вокзалы и желѣзнодорожныя станціи отъ толпъ безпризорныхъ дѣтей, снова появившихся въ большомъ количествѣ. Въ Москвѣ объявлена десятидневная облава. Всѣ безпризорные будутъ пойманы и высланы въ провинцію.

Въ Владивостокѣ арестовано 67 человѣкъ, обвиняемыхъ въ контрреволюціонномъ заговорѣ. Среди нихъ находится нѣсколько офицеровъ красной арміи. Въ Минскѣ арестовано 2 поляковъ по обвиненію въ шпіонажѣ. Польское посольство въ Москвѣ потребовало объясненій.

Въ теченіе послѣдней недѣли въ Великороссіи закрылось 7 табачныхъ фабрикъ.

Комиссаріатъ торговли заключилъ договоръ съ одной германской фирмой о поставкѣ Германіи крымскаго и кавказскаго вина въ количествѣ 65.000 ведеръ.

Зъ дѣтскихъ домахъ.

«Трудъ» сообщаетъ изъ Кіева: «Обнаружены возмутительныя безобразія въ опытно-экспериментальномъ домѣ № 14. Педагогическій персоналъ создалъ въ домѣ обстановку, которая морально калѣчила дѣтей. Побоища и споры среди дѣтей стали почти повседневнымъ явленіемъ. Въ силу, создавшейся въ дѣтскомъ домѣ обстановки, дѣвочки заявили, что покончатъ самоубійствомъ, если ихъ не уберутъ отсюда. На тайномъ совѣтѣ дѣвочки постановили коллективно покончить жизнь самоубійствомъ и памятяли, кто какимъ средствомъ долженъ покончить съ собой (отравиться, повѣситься, выброситься изъ окна). Характерно, что за полтора года существованія дѣтскаго дома № 14 не было ни одного обслѣдованія со стороны наробраза, несмотря на то, что послѣднему было подано нѣсколько заявленій о ненормальности въ этомъ домѣ».

Самоубійство украинскаго журналиста

Въ Станиславовѣ, въ Восточной Галиціи, застрѣлился на почвѣ нервнаго разстройства молодой украинскій журналистъ, сотрудникъ газеты «Селянскій Прапоръ», Галамай.

Члены парламента подъ судомъ.

Четверо депутатовъ стортинга, принадлежащіе къ соціалистической партіи, въ томъ числѣ бывшій министръ обороны и единственная женщина-депутатъ, приговорены полицейскимъ судомъ къ 500 кронамъ штрафа за подстрекательство строительныхъ рабочихъ къ незаконной забастовкѣ, возникшей не смотря на обязательное рѣшеніе примирительной камеры.

Эмиграція въ Палестину.

Въ теченіе марта въ Палестину прибыло 209 эмигрантовъ, въ томъ числѣ 200 евреевъ. За тотъ же періодъ изъ Палестины уѣхало навсегда 260 человѣкъ, въ томъ числѣ 200 евреевъ, подавляющее большинство которыхъ поселилось въ Палестинѣ еще въ 1920 г.

Судъ въ Тель-Авивѣ приговорилъ владѣльца мѣстнаго кафе Альтшулера къ тюремному заключенію за то, что онъ открылъ свое кафе въ субботу. Окружной судъ въ Яффѣ подтвердилъ этотъ приговоръ. Однако, генеральный прокуроръ въ Іерусалимѣ потребовалъ новаго пересмотра дѣла.

Венешъ о внѣшней политикѣ.

Прага, 11. 6.

Венешъ заявилъ въ коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ, что политика Чехословакіи въ Европѣ основывается на status quo. Чехословакія, однако, готова ко всякому политическому сотрудничеству при условіи сохраненія экономическаго суверенитета государства. Такимъ образомъ, Чехія противъ всякихъ конфедерацій или таможенныхъ союзовъ.

Отвѣчая на вопросъ о признаніи совѣтскаго правительства, Венешъ сказалъ: «Я въ первый разъ имѣлъ возможность констатировать, что признаніе не можетъ быть обсуждаемо до тѣхъ поръ пока въ странѣ не будетъ явнаго большинства въ его пользу».

Финско-угрскій конгрессъ.

Будапештъ, 11. 6.

Сегодня открылся третій конгрессъ финско-угрскихъ народностей, на которомъ присутствуетъ 800 делегатовъ Венгріи и Эстоніи.

бантомъ въ косѣ, каждой юной грудью, высоко поднимавшейся отъ блаженнаго головокруженья послѣ вальса»... Или — описаніе Пирка Трупи съ его «широкоштанными клоунами съ мучными лицами и оранжево-огненными волосами», съ его наѣздницей въ розовомъ трико, прорывавшей бумажный щитъ въ рукахъ штальмейстера, съ этимъ «сладкимъ ужасомъ» ожиданія льва въ желѣзной клѣткѣ, сотрясающаго весь шатеръ братьевъ Трупи своимъ студовшимъ перекатнымъ рыкомъ», своимъ «мощнымъ, царственнымъ выдыхомъ»... Или — объ уютѣ въ поѣздѣ, мчащемся сквозь ночь, глушь, буранъ, ревъ вѣтра, между тѣмъ какъ у тебя въ купэ, на бархатномъ пружинномъ диванѣ, — «покой, тепло, полусвѣтъ фонаря за синей занавѣской... и все шире мотающаяся на вѣшалкѣ передъ дремотными глазами шуба». Или — «величайшая ель», несказанно прекрасная въ морозныя лунныя ночи, и въ окно видать ея «пышными рядами висящіе архіерейскіе опушенные рукава». Или — «пёрый, половкій попѣлъ въ эту сѣрую, снѣжную ночь»... Но — довольно: очень многое пришлось бы выписать изъ «Жизни Арсеньева», чтобы показать, на какую высоту красоты возводитъ читателя изумительная примѣтливость Бунина, его «словесная чувственность», его царственно щедрая словесная одаренность.

Къ законченной беллетристикѣ въ XXXV-ой книгѣ «Современныхъ Записокъ» относится разсказъ, или, лучше, сказъ Іосифа Матусевича «Планида Козій Рогъ». Отъ лица смѣшного, необразованнаго, къ иностраннымъ словамъ столь же склоннаго, сколько въ нихъ и нетвердаго, во всѣхъ отношеніяхъ маленькаго человѣка, Степана Степановича, ведется повѣствованіе — о печальной судьбѣ героя, о неудачномъ романѣ его. Но въ томъ-то и суть искусно сдѣланнаго сказа, что въ центрѣ его и въ полѣ читательскаго сочувствія лежитъ судьба не героя, а героини. Для изображенія забитой и незамѣтной дѣвушки, безличной свояченицы, приживалки, авторъ сумѣлъ найти очень удачный пріемъ: именно, большую и символическую роль играетъ здѣсь паръ отъ самовара. За самоваромъ сидитъ эта маленькая, чернявая, «кволая», съ узенькими плечиками Устинька, и такъ невидима она, такъ растворяется въ самовармомъ парѣ, что кажется, будто «самоваръ самъ тебѣ чай наливаетъ, а полотенце само собой стаканы вытираетъ». Когда замѣчаешь ее, то словно въ пару воплощается тогда человѣческое существо. И присватавшійся было къ ней Степанъ Степановичъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу, что онъ ее, «можно сказать, въ самовармомъ парѣ открылъ» и что, если бы не онъ, то жизнь ея «можетъ быть, такъ самовармымъ паромъ и изошла бы». Эта въ паръ испаряющаяся жизнь, эта тихая дурнушка почти ничего не говоритъ; зато крайне выразителенъ тотъ ея немигающій взглядъ на побѣлѣвшемъ какъ скатерть лицѣ, какой она бросила на жалкаго героя, когда онъ отъ ней отказался, «не намѣренный покрывать чужого срама». А «срамъ» ея — въ томъ, что ея обаятельнѣй ея хозяинъ Фома Лукичъ, послѣ того какъ онъ замѣтилъ въ этомъ испаряющемся невзрачномъ существѣ женщину — замѣтилъ, когда Степанъ Степановичъ повѣдалъ ему о своемъ желаніи на ней жениться. Нельзя жаловать, чтобы полной, а не извѣстной только, убѣдительностью отличалось у г. Матусевича самое намѣреніе героя, неудачника у женщинъ, жениться на нелюбимой, «кволой» Устинькѣ и этимъ обезпечить себѣ съ ея стороны «безпредѣльную благодарность, вѣрность до гроба и любовь». Но если предварительное условіе всей фабулы и, если устранить еще нѣкоторыя искусственности и неточности (между прочимъ: не надо бы дважды называть Устиньку свояченицей жены хозяина, — вѣдь тогда дѣвушка Устинька приходилась бы хозяину сестрой, и онъ совершилъ бы кровосмѣшеніе...), — то надо будетъ признать «Козій Рогъ» вполнѣ удавшейся, умно и умѣло осуществленной попыткой такого сказа, въ которомъ сквозь смѣшное и забавное, сквозь странныя слова и словечки виднѣется очень серьезное содержаніе — горькая участь женской жизни.

У насъ уже не остается мѣста, чтобы высказаться о томъ опытѣ философскаго освѣщенія художественной литературы, какой, въ той же книгѣ «Современныхъ Записокъ», представляетъ собою цѣнный, глубоко забирающій этюдъ С. І. Гессена «Трагедія добра въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Отмѣтимъ только, что эта кое-гдѣ трудно написанная статья все же въ насыщенномъ философской творчествѣ Достоевскаго отчетливо выясняетъ нѣкоторыя основныя линіи и правильно намѣчаетъ, какъ въ знаменитомъ романѣ органически сраслись и въ одно высшее цѣлое сошлись планы эмпирическій, психологическій и метафизико-мистическій. Оригинально приведена въ связь съ кантовской моралью личность Ивана Карамазова; образы же всѣхъ трехъ братьевъ вообще знаменуютъ для г. Гессена три вида или три ступени добра, изъ которыхъ каждая встрѣчаетъ передъ собой искушеніе зла, воинствующаго въ отцеубійцѣ Смердяковѣ, и изъ которыхъ ни одна этого искушенія не побѣждаетъ вполнѣ: такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, въ плоскости не реальнаго поступка, а метафизически, идеально, каждый изъ трехъ братьевъ сопричастенъ къ убійству отца. Убѣдительна общая концепція автора-философа. Высокой общественной педагогичностью и утѣшительностью проникнута та, особенно Шеллингомъ внушенная, мысль статьи, что зло можетъ дѣйствовать только посредствомъ добра, пользуясь имъ, хотя бы безсознательно содержа его въ себѣ, надѣвая на себя его маску. Зло — приживальщикъ и паразитъ добра, какъ приживальщикомъ оказывается чортъ Ивана Карамазова; зло — приживальщикъ, а жизнь, это — добро, на своей высшей ступени естественно переходящее въ любовь.

Ю. Айхенвальдъ.